

13. *Пистрый И. В.*, Собуцкий М. А. «Слово о полку Игореве» и повествовательные жанры западноевропейского средневековья (социум и личность в структуре эпоса и структуре романа) // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи : сб. науч. Трудов / отв. ред. В. С. Горский. Киев, 1990. С. 168–177.

14. *Ржига В. Ф.* «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской Руси XII века // Слово о полку Игореве / под ред. В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго. М.; Л., 1934. С. 157–178.

15. Слово о полку Игореве / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачёва. М.; Л., 1950.

16. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М.; Л., 1964.

17. *Филипповский Г. Ю.* Движение литературы Руси (от «Повести об ослеплении Василька Ростиславича к «Слову о полку Игореве») // Филипповский Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы. СПб., 2008. С. 162–168.

18. *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве» (проблемы поиска) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 31–37.

19. *Keenan E. L.* Jozef Dobrovsky and the Origins of the Igor's Tale. Cambridge, Mass., 2003.

П. М. Тамаев
*Ивановский государственный
университет*

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ КАК ОПЫТ «ДОМАШНЕЙ» СЛОВЕСНОСТИ

Осмысление «домашней» литературы было начато почти сразу же после того, как этот «своеобразный род» предстал в виде «смиренной прозы» Пушкина. Русская эстетика и критика (Киреевский, Григорьев, Страхов) приходят к убеждению, что понять существенные черты истории отечественной литературы – значит постигнуть связь ее (литературы) с народом, которому она принадлежит. Н. В. Гоголь был удивлен и зачарован тем, как Пушкин «упростил прозу» до тех пределов, когда «сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной». Не в малой степени существо и особенность русской словесности, по Гоголю, должны состоять в «чистоте и безыскусственности» (3 : 237), которые Пушкин задал своей «Капитанской дочкой». Немудреная, на первый взгляд, история русского дворянина возникала прямо из жизни и сохранялась как «семейственное предание», «записки». «Безыскусственная простота» ее заключалась в том, что она была записана самим героем этой истории уже в конце своего жизненного пути, когда вполне отчетливо предстали значимость и ценность совершенных поступков и сказанных слов. Особенность такого типа словесности («центр тяжести произведения всегда в семейных отношениях») и форма его бытования («семейная быль») выделялась критикой и историками литературы как явление необычное во всей нашей литературе, более того, как «своеобразный род, которого нет в других словесностях» (8 : 292). Пушкинский шедевр воспринимается как

хроника, в центре которой оказались события, важные для целого семейства. В статьях Н. Н. Страхова «Капитанская дочка» рассматривается в ряду «родственных» ей литературных явлений: диалоги С. Т. Аксакова, «семейной хроники» Ростовых и Болконских в составе «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Близость названных произведений определяется их простотой рассказа, без всяких завязок и развязок и отсутствием романного героя как центра всего повествования и сюжета. Эта бесхитрость рассказа, характерная для устной прозы, подкупала своей искренностью и правдивостью, сосредоточенностью не на сюжете своей персоны, а на смиренной покорности русского человека воле Божьей, на подвижничестве, что и создавало семью, дом и рождало семейные предания. Адресовалась такая словесность близким людям, детям, внукам и «ин кто прочтет» («Поручение» Владимира Мономаха). За литературное дело брался не собственно писатель, а обыкновенный человек, один из рода, начинающий осознавать в конце жизни свою судьбу и предназначение, роль и место своих предков и потомков в истории отечества.

Естественно возникает вопрос: из какой традиции рождается простота и безыскусственность этого «своеобразного рода» нашей литературы? Ответ на него дает зачинатель новой русской прозы – Пушкин. В «Письме к издателю “Московского вестника”» он объясняет характер древнего книжника, который «для русского сердца» «нов и знаком». Художественная непреднамеренность наших летописцев вполне определяет стиль летописей: их «простодушие, умилительную кротость, нечто младенческое и вместе мудрое усердие <...> совершенное отсутствие суетности, пристрастия» (7 : 53). Эта характеристика, данная поэтом творческой манере Пимена, вполне приложима и к летописцу села Горюхина – Ивану Петровичу Белкину, и к автору «семейственных записок» – Петру Гриневу. Пушкинское суждение следует понимать как мысль о необходимости воскрешения средневековой культуры в новой литературе, следования традициям творений древнерусских книжников.

Духовная жизнь народа являла разнообразные типы святости от князя-святого до юродивого. При всей разности их поведения и подвига они были едины в сердечном устремлении – стяжать духа святого. В. О. Ключевский, исследователь русской агиографии, был убежден в том, что русская средневековая история сформировала удивительный образ жизни, создала особых людей, чей век определялся второй заповедью Христа – заповедью о любви к ближнему. Она побуждала человека к состраданию, к милостыне; «идея этой милостыни полагалась в основание практического нравоучения; потребность в этом подвиге воспитывалась всеми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики» (5 : 77–84). Русские христороубцы, милостивцы были людьми незаметными, не чиновными, но их тайные деяния (милостыня творится не прилюдно, тайком не только от стороннего глаза, но и от собственной «шуйцы»), конечно же, рождали и слух, и молву, и предание в определенной местности. Жизнь таких «добрых людей» избавляла окружающих от отчаяния, преображала быт и бытие русского народа, и, конечно же, в представлении людей уподоблялась житию святых.

Как было замечено выше, существенным в определении природы «домашней» словесности является факт авторства, важно отметить – кем написано произведе-

ние? В древнерусской литературе есть памятники, в которых отец являлся в отношении к детям не только главою семейства, но и просветителем, наставником («Изборник 1076 года»), а также создателем проникновенного поучения («Поучение» Владимира Мономаха). Однако в средневековой книжности есть произведения, написанные детьми о своих родителях. Жизнь и история рождали новый тип писателя, когда обыкновенный человек, один из представителей семейного рода, побуждаемый сыновней любовью, стремится поведать «повесть дивну, бывшу в роде нашем». «Повесть об Ульянии Осорьиной», или «Житие Юлиании Лазаревской», – удивительный памятник «домашней» словесности, написанный сыном героини жития Калистратом (Дружиной) Осорьиним в ту пору, когда тишина и покой прежней русской жизни уступили место смуте, более того, были смяты смутой. Недаром житие героини вписано в определенную историческую рамку: ее рождение случилось «во дни благоверного и великого князя Иоанна Васильевича» (4 : 154), а самые страшные испытания выпали на долю Юлиании в правление Бориса, который не поименован никаким званием, кроме информации об этой поре: «В то время бысть глад крепок во всей русстей земли» (4 : 160). Исторический характер этой повести и образа героини определялся тем, что в них автор старался высказать желаемое, то есть особое мироощущение и мироотношение в пору слома тишины и покоя русской жизни, стремился выработать и утвердить этику поведения дворянского слоя, отношение господ-«отцов» к своим детям, к крестьянам и слугам.

Наверное, не случайно, что проза XVII века осваивает пространство русской провинции, она словно намеренно погружается в быт русской семьи, занята постижением поведения и воли простого человека. И связано это не столько с обмирщением литературы, как якобы нарастающей и доминирующей тенденцией мировоззрения и культуры переходной эпохи, а с чем-то иным. Исторический феномен обнаружился в том, что не первый человек государства своим поведением и словом определял основную идею и образ целого народа и земли, но самый незаметный и не чиновный. В XVII веке глава государства (в отличие от Владимира Мономаха) будет занят не душевным строением и утверждением ряда в своем Дому, поиском слова душевного, духовного, которое бы восприняли дети и «ин кто прочтет», – его более всего заботят этикет и эстетика дворцовой охоты («Урядник соколничья пути»).

Жанр произведения об Ульянии Осорьиной определяют как житие, светская биографическая повесть с элементами семейной хроники, однако природа его сложнее. Хроникальная канва произведения здесь подчинена не тому, чтобы представить развернутое линейно-биографическое повествование о персонаже от рождения до его кончины, хотя рассказ сына о матери выстроен, кажется, именно по этой схеме. Жизнеописание Юлиании показано как возрастание человека, как путь неустанный внутреннего делания, строения себя. Автор останавливает внимание на обстоятельствах, которые требуют от героини поведения, поступков, соответствующих ее новому положению: счастливое детство сменяется сиротством, вместо родного дома она вынуждена скитаться по чужим углам, испытывать все невзгоды и унижения падчерицы. Конечно, жизнь реального человека здесь намеренно введена в рамки сказочных мотивов, но они подчинены не столько эпической

задаче изображения известного типа низкого героя волшебной сказки, сколько художественному воссозданию исторического, национального, идеального, прежде небывалого типа, обойденного книжниками вниманием и названного В. О. Ключевским «добрыми людьми Древней Руси».

Сын Юлиании Лазаревской написал особое произведение, любимое в народе – житийную повесть. Она и построена по определенному канону, по правилам иконы с житием, центр которой (средник) занимает образ святого, окруженный клеймами. Уже в заголовке обозначен облик идеального человека: «Месяца января в 2 день успенье святых праведных, муромской Улиании» (4 : 154). Календарная примета представляется в данном случае важным фактом, в котором угадывается следование традиции православного месяцеслова, она же фиксирует существенное событие духовной жизни русского народа и определенной местности России, освящает ее. Эта земля обретает своего покровителя, и в то же время второй день января воспринимается членами рода Осорьиных как важная дата, веха в истории их семьи и как важное напоминание об их славном предке. Расположенные вокруг средника клейма-картинки воссоздают основные события жизненного сюжета, восхождение героини по ступеням святости. Все нацелено на изображение идеального персонажа, его созидательного, преобразующего поведения. Идеальное выражается в виде житийных ситуаций и формул: родилась Ульяния от боголюбивых и нищелюбивых родителей, проведших свою жизнь в благочестии и чистоте. С детства героиня послушна и смиренна, прилежна в посте и молитве, она избегает игр и смеха. Однако необходимо сюжетно представить подвиг святого, его труженичество, то есть постоянное, последовательное, целенаправленное деяние, освященное в том числе и мифопоэтической традицией. Так возникает картина, запечатлевшая Ульянию «в рукоделии, в прядиве и в пядичном деле» (4 : 156). В славянских мифопоэтических воззрениях этим работам научил людей сам Господь (1 : 129). Это женское ремесло воспринимается в данном тексте как сакральное деяние, объясняющее тот факт, что Улиания, придя в семью мужа, назначается свекром и свекровью управительницей дома. По ряду, прописанному в «Домострое», женщина занимает подчиненное положение в доме, весь уклад которого определен властью отца, господина, выразителя целого. В «Повести об Ульянии Осорьиной» домовое строение правит женщина. Возможно, здесь сказалось влияние «Повести о Петре и Февронии Муромской», где героине отведено особое место и в жизни, и в повествовании. Идеальный характер ее задан изначально: она мудрая дева, целительница, но эта языческая святость надстроена, увенчана еще и духовной святостью. Эпическая традиция получила новое звучание в произведении XVII века: если в «Повести о Петре и Февронии...» первенствует проблема нравственного испытания человека, становления Петра, то в «Повести об Ульянии...» сюжет выражает идею любви к ближнему. Дружина Осорьин в своей повести показал, как евангельская заповедь воплощается, обретая облик особой русской святости, подвига в миру. Учение о милостыне (Матф. 6:1-4), конечно же, является определяющим в поведении русской женщины, однако не менее важными в ее христианской судьбе станут слова Спасителя из Нагорной проповеди о будущем новом человеке по имени «блаженный»: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное» (Матф. 5:3),

а также учение о молитве «Отче наш...» и о земных заботах, точнее, о внутреннем устройении души и духа человека, напоминающем ему о первообразе. Воплощаются они просто, без всяких особых подвигов и аскезы, вырастая из быта, из, казалось бы, повседневного обихода, обыкновенных домашних дел и забот, из судьбы земной женщины. Автор ничего не выдумывает, не фантазирует, а лишь представляет то, чему свидетелем он был. Он творит сюжет, наиболее ценимый в народе, а к таковым относились рассказы о семейных и родственных отношениях. Поэтому он повествует о каждодневных делах, матери, ее заботах о детях, о домочадцах, показывает, как мать творит милостыню – «отаи» (то есть тайно). День и ночь в ее жизни были заполнены непрерывными делами: автор обращает внимание на ее руки, не бывшие без работы: «своими руками омывая, и кормя, и напаяя» (4 : 158). Каждый поступок, жест, слово освящены материнской любовью, согреты ее теплом, что делает образ героини желанным и чаемым, подобно Богородице из апокрифов и духовных стихов, в которых народ воспеваает и «чтит небесную красоту материнства» (9 : 49).

Изобразительный способ воплощения Иулиании намеренно выбран автором: он наиболее полно передает совершающееся на его глазах праведное житие. Проявляется этот принцип не только в традиционных житийных сценах искушения героини бесами или в чудных видениях, пережитых Иулианией и другими персонажами, но и в передаче простыми словами картин бед и невзгод, которые переживала русская земля в пору начинающейся смуты. Автор живописует происходящее у него на глазах то или иное деяние своей матери просто и зримо, вполне реально, не прибегая ни к каким литературным приемам. Следование эпизодов из жизни, точнее, жития праведной Юлиании, отделено друг от друга небольшими историческими вводами, своеобразными зачинами, функция которых в сюжете вполне определена – создать реальное представление о неустроенности, смуте русской жизни. Наступил голод, и Ульяния просит продуктов больше, чем когда-либо, объясняя свекру и свекрови, что после родов ей требуется поддержать свои силы. Так же ясно повествуется о новых отношениях мужа и жены: «И устроая ему обычную постель, сама же с вечера по мнозе молитве возлегше на печи без постели, точию дрова острыми сторонами к телу подстилаше» (4 : 158). Безыскусное рассказывание о каждодневных делах героини совершается обычным народным словом. И тем не менее житийное, идеальное начало при этом никуда не уходит, оно, бытийное, святое, надстраивается над бытовым, увенчивает его. Сыновняя любовь и народная память, и отчасти книжная традиция, достраивают судьбу русской женщины до образа праведной Юлиании. Кумулятивная связь клейм «работает» на создание образа человека, утверждающего своими деяниями и поступками не неотмирность и подвиг пустытника, а жизнь женщины-мирянки для блага ближнего. Ее самоотречение в пользу страдающих от голода, язвенных не знает границ, что запечатлено в одном из последних подвигов Юлиании. Сильнейший голод, охвативший приокские земли, вынуждает героиню к деяниям, которым народная молва придала вид чуда: испеченный хлеб из лебеды и коры, но освященный молитвою, оказывается вкусней, нежели настоящий хлеб богатеев. Этот эпизод с молитвенным хлебом можно считать своеобразным заимствованием из Киево-Печерского патерика, где описан подобный же подвиг

Прохора Лебедника. Конечно же, такая мысль не исключается, однако если учитывать евангельский контекст, о котором упоминалось выше, то очевидно, что речь в данном случае должна идти не о простом заимствовании. Традиционный принцип цитирования, используемый древнерусским книжником, выполнял вполне идеологическую функцию – еще раз подчеркивал, что заповеди Христовы стали определяющими в судьбах русских людей.

Сюжетное повествование, начавшись с мотива сиротства Ульяны, ее нищенского положения в доме тетки, словно возвращается к своему исходу – героиня все, что можно было, отдала людям, теперь она нищая, но это нисколько не угнетает ее. Если стратостерпец Борис призывает своих братьев отказаться от земного, суетного, вещного, то Юлиания всем своим земным бытием исполняет этот наказ. Ее жизнь предстает в виде тяжелой доли русской матери, о которой с любовью рассказывает сын. Завершается повествование картинами видений и чудес. Был ли автор свидетелем случившихся «круга злата» вокруг головы умершей матери, необычного обретения ее мощей и исцелений, неизвестно. Скорее, рассказчик следует за молвой и житийной традицией, что не противоречит его, авторской задаче и сущности устного народного рассказа.

В. И. Белов, размышляя над природой фольклорных повествований, замечал, что многие из них завершаются по-особому: «земным поклоном, неутоленной жаждой прощения и самим прощением» (2). Отсюда, от подобных финалов, «в устных народных сюжетах всегда присутствовал элемент некоторого сентиментального» (2). Уточним мысль писателя: может быть, сентиментального не в смысле чувствительного, а идеального, светлого, слезного, того, чего взыскует душа русского человека. Сыновняя любовь далекого нашего потомка Дружины Осорьина и писателей-деревенщиков к матери, дому, к своему краю, людям, его населявшим, рождала в сердце и душе у читателя слезы и чувство умиления, проживающего (узнающего) судьбы их героев, «добрых людей Руси». Эта линия русской литературы не прерывается до сегодняшнего дня, находя свое продолжение, например, в портретах русских людей, большею частью женщин, Владимира Личутина, который создал своеобразную книгу судеб добрых людей нашего отечества под названием «Душа неизъяснимая». Писатель, выросший в традициях староверия, представляет жизнь-житие своего героя в стиле иконописания, ему важно, чтобы читатель увидел человека, его, может быть, не очень привлекательную внешность, однако почувствовал бы душевную красоту, скромность и непритязательность в быту, любовь к ближнему: «У бабушки Любы лицо молоджавое, глаза ясные, ум светлый, душа богобоязненная, но за плечами горбик неизносимый вырос, куда, как неразлучное нажитое богатство, уложены до конца дней все жизненные страсти и горя». Как и ее далекая соотечественница, праведная Юлиания, наша современница творит милостыню, помогая скорбным: «От бедного бедный всегда накормится; самая щедрая милостыня, что дается из последнего. Кинь добро назад, оно очутится попереди», – в этих словах и вера, и дело соединились неразрывно. Физическая немочь преодолевается героиней Личутина выстраданным убеждением: «А сил по вере <...> Сколько веры, столько и силы Бог даст» (6). Примечательно, что ее символ веры не «повисает» в воздухе – тут же следует услышанный от родительницы рассказ на тему: где найти

такого человека, который бы научил меня настоящей вере. Сюжет такого повествования интересен тем, что он и его персонажи рождаются из обихода крестьянского быта, дел и забот; никаких отсылок к страницам Священного Писания, участникам событий Священной истории, в центре – простолудин, день которого от восхода до захода заполнен земными трудами.

В заключение наших размышлений об этих явлениях русской литературы необходимо заметить следующее: их «домашняя» природа определяется, конечно же, тем, что создателем выступает один из домочадцев, но этим не исчерпывается содержание и эмоциональный строй всего произведения. Необходимо учитывать также и то, что он выступает здесь не просто семейным хроникером, но и показывает путь становления себя как сына, что сказалось в жизненных уроках, которые явила своей судьбою его мать, в отборе материала, а также в сдержанном, не веле-речивом слове. Он – создатель произведения, по существу, становится и его героем, потому что писатели, творившие в этом направлении, не могли писать не от себя, и их произведение, семейная хроника, житийная повесть, семейная повесть не отделены от них самих. Автор-повествователь незримо присутствует в тексте, что ощутимо в том, как представлено деяние героя, его слово, дело, поэтому семейный летописец выступает в качестве непосредственного участника событий, полноправного персонажа сюжетного действия.

Библиографический список

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1994. Т. 3.
2. *Белов В. И.* Раздумья на родине. М., 1989.
3. *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992.
4. Житие Иулиании Лазаревской // Русская бытовая повесть XV–XVII веков. М., 1991.
5. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 1991.
6. *Личутин В. В.* Душа неизъяснимая // Завтра. 2004. № 49.
7. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 7.
8. *Страхов Н. Н.* Литературная критика. М., 1984.
9. *Федотов Г. П.* Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

В. Н. Криволапов

Курский государственный университет

«СЛОВЕСНАЯ ИКОНА» В ИСТОРИИ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ («ЧТЕНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»)

Все филологи-русисты, получившие образование в вузах Советского Союза, знают, что в XI веке было создано по меньшей мере два жития святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Первое из них – анонимное «Сказание и страдание и похвала мученикам святым Борису и Глебу», второе – вышедшее из-под пера Нестора Летописца «Чтение о жизни и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Опубликовавший в 1916 г. тексты этих житий Д. И. Абрамович вскользь обмолвился